

Андрей Сапсан

УБИТЬ ДЬЯВОЛА

Сборник рассказов

16+

Андрей Сапсан

Убить дьявола. Сборник рассказов

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Сапсан А.

Убить дьявола. Сборник рассказов / А. Сапсан — «ЛитРес:
Самиздат», 2018

ISBN 978-5-5321-1792-1

Сборник фантастических, мистических и фантазийных рассказов. Здесь есть и другие планеты, и сказочные существа, и намёк на ужасы.

ISBN 978-5-5321-1792-1

© Сапсан А., 2018
© ЛитРес: Самиздат, 2018

Содержание

Четыре жемчужины	5
Старый альбом	9
Визит к отцу	11
Убить Дьявола	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Четыре жемчужины

Немного от автора.

«Ольга»(Хельга) – скандинавское имя, означающее «Святая».

Рассказ написан буквально за 2 часа. Имя главной героини взял так, с потолка, сначала вообще Катериной назвать хотел. Но вот решил Ольгой. А значение имени узнал после написания уже. Залез в Интернет. Там увидел. До этого всегда полагал, что Ольга (если верить Сергею Алексееву, автору знаменитого многотомника «Сокровища валькирий», – что-то вроде молодого игристого вина). Отсюда некоторая сумбурность повествования. Позже я, может быть, доработаю рассказ до более крупного произведения. Пока пусть будет, как есть.

Ольга больше любовалась носками своих новых белых туфель, чем смотрела под ноги и на дорогу, поэтому не сразу заметила, что стемнело как-то быстро. Не по-летнему быстро. Не столько напугавшись, сколько удивившись, она прибавила шагу. И тут же сбавила. Она не одну сотню раз ходила этой дорогой – мимо парка и спорткомплекса. Но сейчас она не узнавала этих мест. Где забор? Где утопленная вглубь квартала стена здания бассейна? На той стороне улицы должно было быть здание колледжа. Но и его она не видела. Да и фонари ни один не горели. Она остановилась и огляделась.

Тук. Тук. Тук. Тук-тук-тук-тук. К её ногам подкатился мячик. Старый детский мячик. Простой, из литой резины. В детстве и у неё такой был. Она подняла его. Один бок зелёный, другой красный. Половинки разделены полосками.

–Тётя, отдай мячик. Пожалуйста. – Справа от неё стояли двое детей. Лет семи девочка и лет пяти мальчик. Одеты вроде аккуратно, но... Как-то старомодно. Ольга видела своего отца одетым почти так же на его детских фотографиях. Она протянула им мячик, не сразу поняв, что для таких детей поздновато уже гулять в одиночестве.

–Спасибо, тётя Оля. – Они убежали во тьму. Ольга стояла перед ступенями колледжа. «Откуда они моё имя знают?» – она машинально повернулась и пошла дальше, теперь уже глядя под ноги и вперёд.

Всю дорогу домой дети не шли у неё из головы. Странно появились. Странно одеты. Откуда-то имя знают. Из раздумий её вывела мелодия мобильного.

–Да, пап. Скоро буду. Как полночь?! Я от Катки полдесятого ушла! – Она глянула на браслетик. Девять сорок восемь. – Пап, не знаю. У меня нормально часы показывают. Всё, сейчас буду уже.

Но на улице, и правда, было довольно темно. И людей почти нет. Она не боялась гопкомпаний, всю жизнь её что-то берегло от них. Даже когда, казалось бы, деваться было некуда и мимо никак не пройти – она прошла, как будто её не заметили. И так всегда. Так что до дома она добралась без приключений.

Дома, кроме отца, сидела обеспокоенная тетя Тася. Соседка. Вот кого тут только не хватало. Не то, чтобы Ольга её не любила, даже наоборот – она ей частенько маму заменяла, хоть и старовата она была для мамы. Просто... Бывают моменты, когда никого не хочется видеть, тем более если этот «кто-то» из предыдущих поколений. А вот это уже интересно. На кухне стоял маленький старый телевизор, показывали новости. И судя по часам в углу экрана, они начались семь минут назад. В полночь. Там стоял позывной Джеймса Бонда – 0:07.

–Оля, ты где была? Мы тут с ног сбились. Катину маму подняли уже. Что... – отец осёкся, когда Ольга поднесла к его глазам свои наручные часики в браслете и мобильник, на которых время разнилось в минуту и только-только перевалило за десять часов.

–Я не знаю, что случилось. – Она рассказала, чему стала свидетелем. Отец слушал с недоверием, хотя дочь никогда не давала ему повода не верить ей. А вот тётя Тася, казалось, слушала очень внимательно. Ольге подумалось даже, что она хотела что-то спросить, но отец отправил Ольгу спать, сказав, чтобы оставила свои часы и телефон, чтобы он время на место вернул. С лёгким чувством обиды от неверия Ольга ушла умываться. Баська вертелась под ногами и пытливо, как Ольге показалось, заглядывала в глаза, чего с ней никогда не было, и требовательно мяукала.

–Ты Баську кормил? Чего она орёт?

–Да, кормил.– Отец показал на полную миску в углу.

–Странно. Ладно, спокойной ночи. – Она приподнялась на носках и чмокнула отца в щеку, а он слегка приобнял её.

Баська улеглась вместе с ней, что тоже случалось очень редко. Уже засыпая, Ольга подумала, что мальчишка ей казался смутно знакомым.

А отец тем временем, переставив время на её часах и телефоне, сидел на кухне и курил. На столе перед ним лежала старая фотография. На фоне деревянной стены сидят с десятков человек. В переднем ряду он и ещё несколько детишек, которых привезли с собой первые строители. Рядом с ним его друг Мишка. Чуть дальше Мишкина сестрёнка, на пару лет постарше его. Полгода спустя после того, как сделали этот снимок, они с матерью перебрались на другой конец города. А потом Мишка с сестрой и с дядей уехали. Так ему мама сказала.

* * *

Наутро вечернее происшествие Ольге уже показалось сном. Но, несмотря на это, она всё же решила повидать соседку. Вспомнился её, как показалось Ольге, напуганный взгляд, когда она детишек описывала.

Та, как всегда, восседала на лавочке у подъезда в компании таких же, как она, бабулек.

–Тётя Тась, можно с вами поговорить? Мне очень нужно. Пойдёмте в беседку.

Под недовольное ворчание товарок о нравах нынешней наглой молодёжи, соседка, стуча палочкой и поддерживаемая Ольгой дошла до беседки.

–Знаю, Олюш, что спросить хочешь. Не к добру это, ох, не к добру... – Она сокрушённо замолкла, опустив голову. Ольга удивлённо увидела два мокрых пятнышка, появившиеся на соседкиной юбке. Ольга уже хотела спросить её, но та опередила. – Аккурат того же числа это и случилось...

В 1956 году, когда город только начинал строиться вокруг секретного тогда ещё объекта, приехал фронтовик с детьми своей погибшей под бомбёжкой сестры – четырёхлетним Мишкой и шестилетней Машкой. Работал на стройке, растил племяшек. Когда на работе был, их соседке оставлял. Да и сам частенько у неё допоздна засиживался и домой уже с двумя спящими детками приходил – благо бараки через дорогу стояли, а садиков ещё не было. И был у него сосед. Виктор. Тоже фронтовик. Контуженный – за снарядом отошёл, а аккуратно в орудие немец и попал. Очнулся уже в госпитале. Вылечили, довоевал. Как он рассказывал, хотя кое-кто сомневался в этом. Но с тех пор что-то у него с головой стало – то нелюдимый какой-то, то наоборот, добродушный. Мастер был, как и большинство мужиков тогда, на все руки. И плотник, и слесарь, и ножи подточить, и кран подтянуть, и патефон отремонтировать. Любили его все, хоть и побаивались. И домой к себе он никого не пускал, мол, не прибрано там. Так все и жили. Детишки играли, подрастали. Городок тоже подрастал. Понемногу народ в новые, только что отстроенные дома съезжал с бараков. И вот тут-то это и случилось. И тётя Тася там жила тогда, девчонкой молоденькой совсем была. Со свидания шла и увидела. Сначала дядю Витю. Лежал он с окровавленным ножом в руке, протянув руку, будто тянулся к чему-то или кому-то. И лицо страшное... А дальше... Как она в обморок не упала тогда, до сих пор не

знает. Лежат Миша с Машенькой в обнимку. А по одежке их пятна красные расплываются. И глазки заплаканные в ночное небо смотрят.

Закричала тут Тася не своим голосом. Сбежались со всей округи, милиционера позвали. Потом установили – зарезал он детишек сначала, потом уже себя порезал. Евдокия (так звали женщину, которая иногда за ними присматривала) в ту ночь на смене была, дядя их тоже после смены отсыпался вот и попросил соседа за ними присмотреть... Похоронили их всех. А дядя их с глузду съехал и помер через два года в больнице от нервного истощения.

– Вот и боюсь я, девочка, что не к добру это. Аккурат завтра у них годовщина будет. А папе твоему, он маленький ещё был и жил уже далеко отсюда, сказали, что они уехали. Зачем ребёнка пугать лишний раз. А потом забыли про это. Думали, что если забудем зло, оно и уйдёт. Ан нет, вот вернулось... Не верила я людям, кто их видел в эти дни там. Там барак и стоял. Ты поосторожней, Оленька. Нехорошо, когда мёртвые вот так вот приходят. Жди беды. А Витька этот, как за воротник заложит, всё о каких-то жемчужинах твердил, что нет ему прощения за то, что столько душ погубил на фронте. Что нужны ему жемчужинки какие-то, чтоб откупиться. А от кого откупиться, что за жемчужинки – никто его пьяные рассказы не слушал. Много ли люди во хмелю бормочут. – Тётя Тася уже всю плакала, комкала платок. Да и у Ольги слёзы наворачивались, как представляла их, лежащих. В небо ночное смотрящих...

– Тётя Тась, а где они похоронены? Хочу на могилку к ним сходить.

* * *

Хоть и неохотно, но соседка рассказала, как найти детскую могилку. И строго-настроено запретила отцу говорить об этом. И теперь Ольга, неся в руках кулёк конфет и пару гвоздик, шла мимо гаражей к кладбищу. Хоть и не любила она на него ходить. Точнее, раньше любила. И смеялась над ужастиками, где мертвецы из могил поднимаются и с упорством бульдозера за людьми гоняются. На погосте она всегда отдыхала, спокойно тут было, душа на умиротворение настраивалась, да и к родным на могилки по несколько раз в год ходила. Особенно когда плохо было – придёт, бывало, с мамой поговорит и легче становится. А года два назад перестала она тут покой ощущать. Несколько раз ещё приходила, пока окончательно не поняла – не может она больше тут покоя найти. Никогда излишне впечатлительной не была, а вот поди ж ты – как будто разворошенный муравейник стал погост. Но сейчас она пересиливала себя. Вот и калитка. Так... Ага, вот могила лётчика с лопастью искорёженной. Вот артистка. Вот афганец. Теперь налево. А вот и... И она вспомнила, почему мальчик ей знакомым показался.

У отца много фотографий оставалось. Одна из них – где весь их двор фотографировался. И мальчонка этот рядом с папой её стоял. Именно в этой рубашонке и брюках на подтяжках. А она его в майке и шортах видела. Потому и не признала сразу. А девчушка на той фотографии словно уронила что-то и смотрела вниз, так что лица её она не видела. И мячик у них под ногами. Она высыпала конфеты на надгробие. Воткнула гвоздики в землю и оторопела. Конфет не было. Зато на фотографии мордашки их как будто испачканы оказались. Не веря своим глазам, она протянула руку, чтобы вытереть шоколадные пятна с фотографии. Рука коснулась холода керамики.

Оглушительно свистели сверчки. Лёгкий ветерок покачивал лампочку под жестяным абажуром на деревянном столбе.

– А нам дядя Гоша не разрешает так поздно на улицу выходить.

– И нельзя вам выходить одним. Но я же с вами, так что не бойтесь.

Из тьмы на неё шли три фигуры – взрослая – мужичок невысокий, согбённый, с бегающими глазёнками, и две детских – мальчик и девочка.

– Вот здесь я его и видел. Сейчас покажу. Садитесь тут вот. – Дядя Витя (как поняла Ольга, это был он) подвёл их к бревну. – Только надо его откопать слегка, норка у него тут. –

С этими словами он достал нож. Повернулся к ним и, схватив Мишу сзади за шею, приставил нож к горлу девочки. – Простите меня, детишки. Но мне нужны ваши жемчужинки, чтоб от костлявой откупиться за убиенных мной на войне. Иначе она меня не пустит, оставит тут. А я не хочу тут быть больше, тоскливо тут. – С этими словами он затолкал им во рты две тряпки.

У детишек на глаза навернулись слёзы. Лицо негодяя озарилось плотоядной улыбкой. Ольга попыталась закричать, но из горла не вырвалось ни единого звука. Она могла лишь безучастно смотреть, как он всаживал нож им в грудь, как катились детские слезинки... Как упали они на землю четырьмя белыми жемчужинами. Как он подобрал их, вытащил кляпы. И двинулся прямо на Ольгу, глядя ей за спину.

Она оглянулась и отпрянула. За её спиной стояла высокая чёрная тень с белым расплывчатым пятном вместо лица. От неожиданности Ольга споткнулась и села на землю. А Виктор к тому времени подошёл к тени и протянул на ладони сверкающие шарики.

– Вот, жемчужины. Чтобы не вниз попасть, а наверх. Целых четыре, к тому же детских. Этого должно хватить.

Тень двинулась, взмахнула «рукой». Виктор дёрнулся, как от удара и шарики веером улетели ему за спину. Там, куда они упали, появились в земле чёрные пятна. Они всё разрастались, из них вытянулись чёрные тонкие нити и обвили запястья и лодыжки Виктора, пригвоздив того к земле. Он истошно орал, но никто в этом мире его не слышит и он постепенно погрузился в черноту, в которую слились четыре чёрных пятна. Вслед за ним и они исчезли.

А тень уже стояла перед детишками. Они стояли перед ней, о чём-то спрашивали. Тень сокрушённо мотала головой. Потом тень подошла к Ольге и протянула «руку». Вместо ладони переливалось белёсое пятно. Дети тоже смотрели на неё, беззвучно плача. Ольга машинально опёрлась на руку, почувствовав, с удивлением и вопреки ожиданиям не костлявые пальцы, а крепкую мужскую ладонь. Холодную только. Подошла к детишкам. Обняла их. Из глаз покатились слёзы. Опустив голову, она увидела на земле четыре сверкающих перламутровых шарика. Не веря глазам, она взяла их в руки. Посмотрела. Покатала в ладони. Посмотрела на детей, они во все глаза смотрели на неё.

Она повернулась к тени и решительным жестом положила шарики на ладонь тени. Несколько секунд тень стояла неподвижно. Затем подбросила шарики вверх. Ничего не произошло. Только шарики пропали. Тень повернула пятно лица к ней. Ольга посмотрела туда, где на лице должны быть глаза.

И больно стукнулась затылком об оградку могилки. Поднявшись, она увидела их. Они стояли над своей могилой и улыбались. Над ними сиял столб света, постепенно втягивающий их в себя. Напоследок Мишка бросил Ольге мяч. Призрачный мяч. Она поймала его и проводила детей взглядом, пока они не пропали из виду.

У неё в руках был мяч. Резиновый детский мяч с разноцветными боками. И два ростка на могилке – ландыш и ромашка. Ольга готова была поклясться, что их там не было.

Старый альбом

Действующие лица:

О л е г в д е т с т в е, в о т р о ч е с т в е, в з р е л о с т и – главный герой, мальчик, юноша и мужчина.

М а м а О л е г а – женщина, появляется пару раз.

Б а б у ш к а О л е г а – появляется только в начале.

Ж е н а О л е г а, В е р а – как и многие здесь, эпизодический персонаж.

С ы н О л е г а, С т а с

В н у к О л е г а, Е г о р

А К Т 1

Сцена: комната с камином, два кресла, в одном сидит женщина средних лет, вяжет, в другом старушка с ребёнком лет 6 на коленках, оба листают старый, потрёпанный фотоальбом. На стене календарь, там видна дата: 16 декабря 1946 год. На молодой женщине чёрное платье, рядом с календарём висит фотография военного лётчика в траурной рамке.

О л е г (тыкая пальчиком в альбом): А это кто, бабуль? Вот здесь?

Б а б у ш к а: Это деда твой, Венечка... (вздыхает) Не успел он тебя увидеть, только в отпуск собрался, как война началась. А так хотел на внука посмотреть. (снова вздыхает).

О л е г: А кем он был, баба? Лётчиком, как папа?

Б а б у ш к а (потрепав внука по голове и улыбнувшись ему): – Нет, милый. Он танкистом был. Видишь, у него шлем не как у папы твоего.

О л е г: А папа тут есть?

Б а б у ш к а: Здесь все есть, и не только те, кого ты знаешь. И ты тут будешь когда-нибудь...

М а м а (отложив вязание): Алиса Витальевна, что вы городите? (возмущенно встаёт и уходит).

Б а б у ш к а (встаёт и идёт следом): Леночка, подожди! Я ведь не про то, что ты подумала...

О л е г берёт в руки альбом и смотрит дальше, находит фотографии всех своих родных, вполголоса называет их, доходит до конца альбома, где приклеена большая старая фотография нескольких пожилых человек и одного мужчины средних лет, фотография которого висит на стене в траурной рамке. Среди пожилых видит лицо деда.

А К Т 2

Сцена: та же комната с небольшими изменениями, более потёртые кресла, та же фотография лётчика на стене, пожелтевшая. В комнате Олег, юноша лет 18 и его мать, опять в трауре. Зеркало над камином завешено. Видно, что мать недавно плакала, глаза опухшие, в руке платок. Олег рассматривает тот же старый альбом.

О л е г: Мам, а помнишь, когда-то в детстве, когда баба сказала, что и я здесь буду, ты на что-то обиделась? На что?

М а м а (удивлённо подняв брови): Обиделась? Да нет, просто для тебя мы с папой хотели отдельный альбом завести. Только не успели... а вот папа тут есть. Здесь всё его детство... И не

только... (в этот момент в соседней комнате слышится стук чего-то упавшего и мать выходит туда)

О л е г: Да, я помню... Сколько раз его смотрел... (замечает, что остался один, выглядывает в дверь, возвращается обратно). Это свадьба (листает альбом), тут он учиться пошёл на лётчика, его первый полёт, (продолжает бормотать, затем доходит до последней фотографии и удивлённо замирает). Ой... И баба здесь... Как я её раньше не видел?

А К Т 3

Сцена: комната в современном доме, вокруг современная мебель, на стене фотография того же военного лётчика, обновлённая, так же фотографии Олега в разные периоды жизни. Большое зеркало над комодом занавешено белой простынёй. В комнате двое – Олег, пятидесятипятiletний мужчина и женщина лет 45 на вид. У женщины заплаканные глаза и платок в руках. На комодe лежит всё тот же старый фотоальбом. Из соседней комнаты доносятся голоса людей.

В е р а: До сих пор не могу поверить, что её нет... Только недавно мы с ней на дачу ездили... (прижимает платок к губам, слёзы текут по щекам)

(Олег берёт альбом в руки, начинает листать)

О л е г: У нас все так уходили... Бабушка говорила, что лучше рано и быстро, чем поздно и медленно... А ещё лучше поздно, но быстро... А мама прожила полную жизнь, ты посмотри: детей вырастила, внуков поняичить успела. До правнуков чуть-чуть не дотянула... Так что где бы она сейчас ни была, надеюсь, она счастлива. (закрывает альбом и прижимает к себе плачущую жену). Ну, Вер... Не надо, не надо... Нельзя больше плакать... Теперь нельзя...

В е р а (всхлипывая): Теперь? А когда можно было?

О л е г: На похоронах. Там даже нужно было. Теперь нельзя. (целует в лоб, Вера уходит, прижимая платок к губам. Олег долго ходит по комнате, трёт глаза, затем подходит к комоду и вновь открывает альбом, листает, доходит до последней фотографии, удивлённо хмурится)

О л е г: Не знал, что мама успела сфотографироваться тут... Надо же...

А К Т 4

Сцена: комната в квартире с евроремонтом, современная мебель, телевизор завешан, зеркала тоже, в комнате молодой человек, похожий на Олега в молодости и его сын – мальчишка лет 4 от роду. На журнальном столике, застеленном простынёй, лежит фотоальбом. Мальчик играет с телефонной трубкой, Стас сидит, подперев голову кулаком, и задумчиво смотрит на сына.

Е г о р (подбегая к отцу): Папа, а баба с дедой скоро вернутся? Я по ним скучаю.

С т а с (беря сына за руку и поправляя ему штанишки другой рукой): Нет, сына. Они уехали навсегда. Больше мы их не увидим.

Е г о р: Это в Москву, да?

С т а с: Нет, не в Москву. Ещё дальше.

Е г о р: А куда же тогда?(удивлённо разводит руками и роняет со столика альбом). Ой, прости.

С т а с (беря альбом в руки и открывая его): – Далеко, Егорка... Очень далеко... (листает альбом, кое-кого вспоминает, доходит до последней страницы, смотрит на фотографию, брови удивлённо ползут вверх) Мама? Папа? Бабушка? Все здесь? Как они в эту фотографию попали?

Визит к отцу

– Здорово, бать. – Таланов присел на скамейку, смахнув пыль с памятника. Затем достал из кармана фляжку и кусок чёрного хлеба. Открутил пробку, вытряхнул из стопки, стоящей у памятника пыль, налил до краёв, положил сверху кусок хлеба. – С днём рождения тебя. – И сам сделал глоток из фляги, закусив другим кусочком.

Возле памятника стояла пустая стопка.

–Здорово, сынок. Спасибо. – Слева раздался чавкающий звук и голос отца. Таланов оглянулся. Отец стоял у оградки и дожёвывал свой хлеб. – А подарок где?

– Ты пошутил?

– Само собой. Но мог бы хоть пару гвоздик принести.

– Ты же не любишь гвоздики. И не любил их никогда.

– Я не люблю. Но тут не только я лежу. Вокруг посмотри.

– Да знаю я. Нашёл тут уже кого-то? Не стыдно? Мать ведь только вчера к тебе ходила.

– Знаю, видел. – Взгляд отца погрузнел. Таланов с облегчением вздохнул, видя глаза отца. Значит, ещё не стал темноглазым. По крайней мере, для него. – Вань, пять лет тут. Сам как думаешь, легко это? Тут волей-неволей начинаешь с другими общаться. Вон там, через три аллеи, девушка лежит. К ней уже лет тридцать никто не ходит. Вот и хотел её хоть этим порадовать. Если бы не её характер, она давно бы уже темноглазой стала.

– Ладно, принесу. Может, кроме гвоздик что получше? Розы там или что она любит?

– Да что угодно. Как Светка кстати? Родила?

– А, точно. Забыл совсем. Вчера из роддома забрал. Жаль, не успел ты его застать.

– Да с нашими коновалами хорошо, хоть столько прожил. Хотелось бы на него взглянуть.

Тогда и уходить можно будет.

– Ну я попробую Светку уговорить сюда Егорку привезти.

– Как деда назвали? То-то его не видать последнее время. – Отец встрепенулся. – Сдурел младенца сюда везти?! Забыл, что я тебе говорил?

– Да помню... – Таланов погрузнел. – Потому и не могу последние лет 10 на кладбище ходить. Раньше правда тут покой был. Хоть и кладбище, а спокойно тут, тихо. А потом... Ты, кстати, не слышал, что тут произошло?

– Да как сказать... Говорят многое. Кто говорит, из-за неумелых обрядов, кто говорит, что батюшки наши церковные фальшиво отпевают... Кто на сатанистов всё валит... В общем, темноглазых много развелось. Хорошо хоть, днём они мало что сделать могут. Зато ночью...

– Ну а как тогда? Ждать, пока он подрастёт достаточно?

– Я поспрашиваю тут народ А ты приходи через пару дней, может что узнаю. К деду пойдёшь? И цветы не забудь. Жалко Анжелку.

– Ладно, принесу. Ещё налить?

– Давай. – Таланов вылил в стопку остатки из фляжки. Отец не двинулся, но стопка опустела и он отчётливо крикнул, прижав рукав к носу. – Ладно, бать. Пошёл я пока. В среду заскочу.

– Ага, давай. К деду зайди, мало ли.

* * *

Таланов вылез из машины, вынул букет хризантем, не обращая внимания на язвительные реплики проходящих мимо бабулек и направился к могиле отца. Идя по кладбищу, в нескольких местах почувствовал холод, исходящий от некоторых могил. Вот и могила отца. Положив

цветы на надгробие и налив обычную стопку, Таланов присел на скамеечку. Отец долго не приходил. Стопка опустела лишь минут через десять.

– Привет. Вот цветы.

– Привет, спасибо. Извини, что задержался. С Анжелкой заболтался. – Отец улыбался.

– Ну как она?

– Да ничего, хоть разговорить немного её удалось. Выглядит теперь почти нормально. А то как баньши раньше была, хоть и светлоглазая.

– Баньши не мертвецы – машинально поправил Таланов. Ну в смысле, не обязательно мертвецы.

– Что? А, неважно. В общем, я узнал. И, кстати, у меня к тебе будет ещё одна просьба. Я сам могу на внука взглянуть, но для этого тебе надо меня с собой взять.

– Как я тебя возьму? – Таланов усмехнулся. – Выкопать что ли? Ты ж даже от могилы не можешь далеко отходить, а мне тебя на другой конец города везти.

– Выкапывать не надо, вопросов много будет. – Отец тоже усмехнулся, дав понять, что оценил шутку. – А ты земли с могилки возьми немного. Я с ней смогу к вам попасть. А потом просто высыпи в ручей землю, я тогда уйти смогу. А батя точно ангелом-хранителем Егоркиным стал. Забегал он вчера. Аж светится весь. Вот он-то мне об этом и сказал.

– Землю взять – это и есть твоя просьба? – Таланов достал из кармана носовой платок, развернул его и положил на землю.

– Нет. Вот что. Я тебе объясню, как пройти, ты сам Анжелке цветы отнеси. Батя говорит, что она тогда уйти сможет. Она, оказывается, изначально одна была. Некому к ней приходиться было. И цветов ей никто при жизни не дарил. А так ты ей цветов на могилку принесешь, может, и отпустит это её.

– Ладно. – Крякнув, Таланов поднялся с корточек и спрятал в карман узелок с горстью земли. Где она?

На могиле Анжелы не было не то что фотографии, самой могилы уже почти не было. Лишь покосившийся полусгнивший памятник с ржавой звездой на маковке и заросший холмик. Оградка если и была, то сейчас от неё не осталось даже следа. Таланов положил букет к подножию памятника и испуганно отдернул руки. Он даже близко не прикасался к могиле, но земля под букетом неожиданно просела, букет провалился туда и сверху его накрыл упавший памятник. А перед Талановым стояла высокая, черноволосая девушка лет 20 в старомодном платье. Она смотрела на него с улыбкой и обнимала букет, только что ушедший под землю. Он не столько услышал, сколько прочёл по её губам: «Спасибо тебе. Будь счастлив», после чего она растворилась в пятне света, окружавшем её.

– Всё, отнёс. Только там могилка её рухнула.

– Я знаю. Она приходила перед тем, как ушла. Ну что, поехали? – Таланов положил платок с горстью земли с могилы отца во внутренний карман ветровки и направился к машине.

* * *

Таланов аккуратно прошёл в комнату, догадываясь по времени, что там увидит. Так и есть – Светлана уснула на диване, а Егорка посапывал в сделанной Талановым именно для него подобии люльки. Накрыв Светлану пледом и с улыбкой посмотрев, как она, причмокнув во сне губами, плотнее закуталась в него и повернулась на другой бок, он подошёл к люльке и развязал вынутый из кармана платок с землёй.

– Богатырь. – Услышал он рядом с собой через мгновение.

– Ещё бы. Под 4 кило. Здоровяк будет.

– Прямо как батя. Тот гайки одной рукой закручивал, что потом ключом не каждый открутит.

– Не это главное. Главное, чтобы человеком хорошим вырос.

– А вот это уже, Ванька, от тебя и от Светки зависит. Батя его только от бед оградить может и от опрометчивых поступков. А уж воспитание – это ваша стезя. Так что старайтесь. И будьте счастливы. – Последние слова Таланов слышал уже со странным призвуком и, обернувшись на голос, увидел то же, что видел на могиле неизвестной Анжелы – отец растворился в пятне света. А на столе остался уже развязанный платок с горстью совершенно сухой (хотя Таланов помнил, что земля была влажной, когда он её брал и высохнуть за 10 минут, потраченных им на дорогу, она никак не могла), землёй. А ведь он его не развязывал.

– Милый – сзади раздался сонный голос Светланы и её руки легли ему на плечи. – Ты давно вернулся?

– Нет. Только зашёл. – Таланов повернулся, обнял жену и за её спиной увидел едва заметное улыбающееся лицо деда. Молодое лицо. И теперь он знал – с их Егоркой ничего плохого никогда не произойдёт. Дед не позволит.

Убить Дьявола

1

Тумана было много и он никуда не торопился. Более того, было похоже на то, что он тут недавно. А это означало, что недели две по лощине нельзя будет пройти иначе, чем в скафандре. В обход это займёт почти столько же, только по скалам, потом по болотам. «Мало нам по пути болот было» – настроение постепенно портилось. По какой-то, ведомой ему одному причине, туман не распространялся дальше какой-то невидимой линии, ограничиваясь всегда одним и тем же районом, хотя никаких причин к тому не было, сколько местные учёные ни бились над этим. Даже эрги, когда планета ещё принадлежала им, под страхом смерти не захотели приближаться... Предпочли принять безнадёжный бой, когда наша пехота их обложила со всех сторон...

– Далеко он? – я слегка обернулся, потому что за спиной вырос как из-под земли здоровый метис. Он ненадолго закрыл глаза.

– Достаточно, чтобы ребята отдохнули. Ему надо раны зализать. Вы его слегка подранили. – Он бросил на меня короткий взгляд.

Я хмыкнул. Подранили. Там, где мы с моими ребятами прошли по следу Дьявола, от джунглей, там где они были, оставалось одно название. К тому же, я видел, что не один и не два выстрела пришлись прямоком в него. И после этого его «слегка подранили»...

– Ладно, надо идти в лагерь. Как думаешь, это – я обвёл рукой затопленную туманом лощину – надолго?

– Ты сам знаешь. Не меньше, чем на полторы-две недели.

– А скафандров нет.

То, что мы называли туманом, на самом деле было чем-то, похожим на него издали. Вблизи, без гермокостюма, рискнул бы появиться только сумасшедший, помешанный на недолговременном украшении своего тела разного рода плесенью, струпьями, лишаём и многими другими «очаровательными» дополнениями. Недолговременными, потому что никто, попав в этот «туман» не жил больше двух-трёх дней. Мало того, после нескольких неудачных попыток излечить сей недуг, пришлось изолировать пострадавших и пытавшихся их вылечить медиков в отдельных блоках – зараза оказалась на редкость липучая и заразная (уж простите мне сей невинный каламбур) – где они и провели свои последние дни. Надо сказать, что дни эти были не из лучших. Из того, что я почерпнул по пути сюда из отчётов предыдущих экспедиций и того, что мне рассказал Вождь, воевавший здесь в своё время, да так тут и оставшийся, смерть их и то, что ей предшествовало, относились к разряду таких, которые не пожелаешь злейшему врагу. Даже эргу...

Подходя к лагерю, наблюдаю, как выскребаются из палаток мои подчинённые. Выскребаются, потому что другого слова не найти. Они хоть и тренированные, даже могли бы составить некоторую конкуренцию оперативникам из БОДа, но две недели практически непрерывной погони по джунглям, плоскогорьям, сельве и напоследок, степи со столь же непрерывной стрельбой из всего, что у нас имеется – испытание не из простых. И не их вина, что на сей раз добыча ушла. Ну не берёт Дьявола наше оружие, хоть ты лоб себе об лист бумаги расшиби. То есть могло бы взять, но для этого надо уговорить его постоять какое-то время неподвижно и выпустить в него, дай бог, не весь боезапас всего, что у нас есть. Причём в течение пары секунд, иначе залечиться успеет. Вся проблема в том, что уговорить его некому. Не хочет он стоять неподвижно, когда в него стреляют. Вот и приходится нам за ним бегать. Побегали. И ещё побегаем. И долго, что-то мне подсказывает.

Бойцы занимались кто чем – кто разминался, кто просто отдыхал после завтрака. Дисциплины никакой, скажете вы? А долго ли выдержит гитарная струна, если всё время колок подтягивать? Вот то-то же – давай слабинку подчинённым время от времени, иначе лопнут, как перетянутые струны.

– Зрелище не из приятных, так, кэп? – Сзади, в своей обычной манере вырастать из-под земли, вырос из-под земли Вождь. После разговора о тумане он удалился, я опять же не заметил, каким образом. Просто обнаружил, что остался один. И теперь он опять меня врасплох застал. Хотел бы я его в своей команде иметь – цены ему нет. А не хочет он – говорил я с ним на эту тему.

– Им нужен был отдых. И ты оказался прав – если бы ты не настоял на привале, причём долгосрочном, мы бы в тумане проснулись. Как ты его вычислил? Он же никогда ни по какой системе не появлялся. От случая к случаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.